

О своей земле,
своей вере,
настоящем
и пережитом
в России XX-XXI вв.

УДК 398
ББК 82
О 11

Исследование подготовлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 08-04-00318а «Устное повествование
как источник для исследования
биографии и меняющейся картины мира»)

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 12-04-16202 д)

О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX-XXI вв.
(к изучению биографического и религиозного нарратива) / Под ред.
Е.Б. Смилянкой. — М.: «Индрик», 2012. — 472 с., ил.

ISBN 978-5-91674-217-6

В коллективной монографии на материалах полевых и архивных записей исследуются проблемы биографического повествования как специфического речевого жанра, а также анализируются устные интерпретации авторитетных текстов вероучения и правил жизнеустройства. В книге четыре раздела, содержащих анализ и публикации текстов устных повествований, а также автобиографических документов второй половины XX — нач. XXI в., собранных авторами в Тверской, Вологодской, Томской, Брянской, Кировской областях, в Пермском крае, Республике Коми и Удмуртской Республике. При исследовании автобиографических повествований, описаний малой родины, рассуждений о вере и «последних временах» особое внимание авторы сборника уделяют осмыслению нарратива индивидуального исполнителя как фактора саморефлексии и поддержания идентичности. В книге также изучаются мировоззренческие и жизнестроительные функции фольклорного репертуара в его взаимосвязи с меняющейся социальной реальностью, рукописной и книжной традицией. Духовная культура русского сельского населения рассматривается в ее динамике на протяжении 1970-х — 2010-х гг.; с учетом многообразия региональных и этноконфессиональных традиций русской культуры, особенностей функционирования русского фольклора и языка в иноэтничных общностях (карельских и коми).

ISBN 978-5-91674-217-6

© Текст, Коллектив авторов, 2012
© Оформление, Издательство «Индрик», 2012

Содержание

Предисловие 7

Об устном нарративе вообще: размышления исследователей

О.М. Фишман
«Лицом к лицу»: из опыта полевой коммуникации 15

Е.М. Сморгунова
Что же такое «устный нарратив» и что мы от него ждем?
Заметки участника археографических экспедиций 33

О вере и жизни в «последние времена»

Е.Б. Смилянская
«Три дороги есть: одна в ад в муку, другая в огонь,
а третья в рай...» Повествования о вере и спасении
старообрядцев Верхокамья 49

1. Старообрядцы-поморцы Верхокамья:
их история и опыт исследования 49

2. Беседы о вере с книжницами Верхокамья 67

3. Общее и особенное в религиозных
представлениях поморцев Верхокамья 113

А.А. Чувьуров
«Вот такая у них вера»: своя и чужая вера
в рассказах печорских коми старообрядцев 167

Е.Е. Дутчак
«Мы здесь живем и молимся за весь мир»:
повседневность таежной пустыни
в личных историях ее насельников 195

О.О. Орлова
«Никон взял ключи от царства Христова:
и сам не входит, и людей не пускает»: образ врага
в старообрядческих рассказах о патриархе Никоне 221

Магия и мифология в повседневной жизни

Е.В. Публичук, А.Л. Топорков
«Где-то что-то есть»: знахарка из Андомы о жизни,
о вере и об опыте целительства 235

А.Б. Ипполитова, А.Л. Топорков
«Прожила как в мельничном колесе, вот такую жись»:
записи мифологической и биографической прозы
из с. Тихманьга 261

О своей земле и былом времени

Е.С. Данилко
«Святск, потому что святое место...»:
воспоминания о селе, которого не стало 329

О.М. Фишман
Образ малой родины в устном
и письменном нарративе тверских карелов XX в. 363

О.М. Фишман
«Сама от себя, чего знаю, чего помню»:
тетради с повествованиями тверской карелки
Анастасии Федоровны Любимовой 435

Список сокращений 463

Сведения об авторах 465

Summary 468

«Лицом к лицу»: из опыта полевой коммуникации

О.М. Фишман

В последние десятилетия вопросы, связанные с повседневностью полевого общения как одной из форм межкультурной коммуникации, становятся предметом пристального интереса.

На первом в России круглом столе по обсуждению опыта и практики современных полевых этнологических исследований в 2002 г.¹ дискуссии велись по таким вопросам: какими должны быть полевые исследования: долговременными — глубокими или же кратковременными — эпизодическими для адекватных выводов и обобщающих заключений; каким должно быть эмоциональное отношение исследователя к изучаемому населению и всегда ли это отношение предполагает чувства симпатии и уважения к культуре исследуемой группы; существуют ли серьезные различия в западной и отечественной методике полевой работы и каковы они в случае изучения одного и того же этнокультурного сообщества. В числе проблем называли и этическую: позволительно ли скрывать от информантов цели своего исследования и сам факт того, что они являются «объектами исследовательской программы»². Что в этом случае является для нас внутренним цензором; должно ли

15

¹ Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Круглый стол «Полевые исследования в этнологии и антропологии» // ЭО. 2002. № 5. С. 136–140. Интересно сопоставить с более ранними обсуждениями. См. Обсуждение статей М.Н. Шмелевой и С.И. Вайнштейна по проблемам полевых исследований // ЭО. 1985. № 5. С. 57–69.

² Beals R. L. Politics of Social Research (An Inquiry into the Ethics and Responsibilities of Social Scientists). Chicago, 1969; Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. Berkeley, 1986; Condominas G. Ethics and Comfort: An Ethnographer's View of His Profession / Annual Report 1972. Washington, 1973; Jenkins T. Fieldwork and the Perception of Everyday Life // Man. 1991. № 29; Geertz C. Works and Lives: The Anthropologist as Author. Stanford, 1988; Kapferer B. The Anthropologist as Hero: Three Exponents of Post-modernist Anthropology // Critical Anthropology. 1988. Vol. 8. № 2; Marcus G. E., Cushman D. Ethnographies as Texts // Annual Review of Anthropology. 1982. № 11; Marcus G. E. Fisher M. M.J. Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences. Chicago, 1986; McGee R. J., Warms R. L. Post-Modernism // Anthropological Theory. An Introductory History. Mountain View, CA; London; Toronto, 1996; Sanjek R. Fieldnotes: The Making of Anthropology. Ithaca, 1990; Sanjek R. The Ethnographic Present // Man. 1991. № 26; Schneider A. The Challenge of Fieldwork // Anthropology today. 1991. Vol. 13. № 6. Dec.

существовать «право вето» населения на разглашение дискредитирующей его информации и т.п.^{3?}

Обсуждение этих вопросов, а также методики полевых работ было продолжено и в последующие годы на различных конференциях, постоянно действующих семинарах, а также в публикациях⁴. Существуют специализированные сайты ведущих этнографических и фольклористических центров, на страницах которых размещены статьи и материалы, посвященные истории, опыту и современным проблемам полевых исследований⁵.

Как сейчас видятся проблемы полевой коммуникации?

Понятие «полевая коммуникация» сравнительно недавно используется в отечественной литературе и связано с появлением работ известных этнографов, культурологов и психологов С.А. Арутюнова, С.Г. Тер-Минасовой, А.П. Садохина, А.Ф. Тарасова и др. В то же время труды таких западных ученых, как Э. Холл, К. Клакхон, А. Крёбер, Г. Хофстеде, Э. Сепир, Б. Уорф и др., уже давно являются классикой в исследованиях теории межкультурной коммуникации. Последняя определяется как «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам»⁶. Это специфический процесс взаимодействия разных вариантов культуры через вербальное и невербальное общение своих и чужих носителей культуры и языка⁷. Наряду с терминами межкультурной коммуникации в

³ К примеру, если полевой исследователь собирает информацию интимного, священного или др. свойства.

⁴ В их числе издающиеся МАЭ РАН с 1992 г. «Материалы полевых этнографических исследований»; историческим факультетом СПбГУ (кафедра этнографии и антропологии) с 2004 г. материалы международной научной конференции «Полевая этнография» и др.

⁵ Центр полевой этнологии. Доклады полевых семинаров на сайте факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб). URL — Режим доступа: <http://www.eu.spb.ru/ethno/index.htm>; Полевые исследования РГГУ. URL — Режим доступа: <http://fr.nm.ru/fields1.htm>; Полевые исследования. Кафедра русского устного народного творчества Филологического факультета МГУ. URL — Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~folk/expedits/f77.htm>; Студенческое научное общество кафедры этнографии и антропологии Исторического факультета СПбГУ. URL — Режим доступа: <http://ethnonet.narod.ru/pole>; Коллекции полевых фольклорных записей Северо-Запада России и раздел, рассказывающий о деятельности Проповского центра при филфаке СПбГУ; отчеты, фотографии из экспедиций. URL — Режим доступа: <http://www.folk.ru/>; Полевые финно-угорские исследования. URL — Режим доступа: <http://www.komi.com/pole/links/>; The scholars from the Institute of World Literature (Russian Academy of Sciences) Yelena and Sergey Minyonok are delighted to welcome you to the research project Russian Folklore Expedition. URL — Режим доступа: <http://www.russianexpedition.net/> и др.

⁶ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. С. 14.

⁷ Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Межкультурная коммуникация. Глоссарий. URL — Режим доступа: <http://sch-yuri.narod.ru/transltn/komunikazia-02.htm#glos>

литературе также используются термины: кросс-культурная коммуникация, межэтническая коммуникация и понятие межкультурной интеракции.

При этом полевая коммуникация, преследуя свои собственные цели, включает, как и все остальные способы общения, такие его важные уровни, как межэтническая и контркультурная коммуникация; коммуникация между представителями различных социальных классов; конфессиональных и возрастных групп. Кроме того, в условиях полевой практики этнографа/фольклориста/любого полевого она осуществляется через взаимоотношение двух разных культур: исследователя и информанта, причем прежде всего на межличностном уровне.

Коммуникативный акт. Диалог

Современное переосмысление отношений между исследователем / субъектом и носителем информации / информантом / объектом нашло отражение в различного рода отечественных изданиях, в том числе в журнале «Антропологический форум», второй выпуск которого был посвящен теме «Исследователь и объект исследования», а пятый — теме «Этические проблемы полевых исследований»⁸. О возникающем при этом диалоге «двух „правд“, разных, но равноправных сознаний — исследователя и объекта исследования» — писал еще в 1920-е гг. известный православный историк протоиерей Г. Флоровский. Он говорил, что для понимания прошлого историк необходимо «вчувствование» в имеющиеся документы и свидетельства. «Следовательно, личность истолкователя входит как составная часть в самый процесс интерпретации, равно как в разговоре необходимо два собеседника, чтобы получился диалог „двух «правд“, разных, но равноправных сознаний — исследователя и объекта исследования»⁹.

В полевых условиях мы неизбежно сталкиваемся с проблемной ситуацией восприятия и способов оценивания инокультурных ценностей, не отвечающих нашей ментальности, убеждениям, интеллектуальным возможностям и предпочтениям¹⁰. Мы зависим от стереотипов

⁸ Антропологический форум: Исследователь и объект исследования / Гл. ред. А. Байбурин. СПб., 2005. № 2. С. 9–134; Антропологический форум. Этические проблемы полевых исследований. / Гл. ред. А. Байбурин. СПб., 2006. № 5.

⁹ Флоровский Г.В. Затруднения историка-христианина // Мера. 1994. № 1. С. 11.

¹⁰ Об этих «вечных» проблемах как нельзя лучше свидетельствует интересная статья современного финляндского исследователя А.А. Сурво «Полевая работа как исследовательский миф», в которой автор предпринял анализ экспедиционного опыта финляндских собирателей ижорского и водского фольклора (рун калевальской метрики, заговоров) середины XIX — начала XX в. На основании их полевых заметок он пришел к ряду важных и весьма поучительных для современных «полевиков» наблюдений и выводов о зависимости позиции исследователя и характера его интерпретаций увиденного и услышанного от идеологических установок

своей культуры, профессионального образования, особенностей личного социокультурного, в том числе полевого, опыта, включая степень коммуникативности как таковой.

В процессе такого общения становится очевидным тот факт, что каждая культура имеет свое традиционное поведение, систему оценок различных явлений культуры и быта, выраженных посредством устойчивых этнокультурных стереотипов и предрассудков.

«Книжница»
Пелагея
Васильевна
Пётрова
(карелка,
староверка,
1919–2002)
демонстрирует
молитву
по лестовке.
Ленинград-
ская обл.,
Бокситогор-
ский р-н, д. За-
белино. Фото
О.А. Юрчак
(2002 г.)

18

Однако теоретическая и практическая подготовка позволяет налаживать диалогическое общение с инокультурными моделями. Здесь особенно важна собственная установка на равноправность общения. Только в этом случае исчезает внутренняя раздвоенность сознания, снимается противостояние двух встречных логик, наступает взаимопонимание.

Выделяют по крайней мере (согласно В. Шепелю) 6 явных барьеров коммуникации: дискомфорт физической среды, в условиях которой происходит общение; инерция включенности, т.е. озабоченность респондента

интеллектуального сообщества своего времени и об особенностях восприятия информантами их деятельности с позиции этнорелигиозных представлений собственной культуры. О предвзятом и высокомерном отношении собирателей говорит, например, описание обстановки ижорского дома: «Во многих избах стены украшали, а точнее говоря — устрашали, эти известные и противные иллюстрации, на которых драконы и иные пособники нечисти измывались над грешником. Думаю, что и это в какой-то мере повлияло на разговорчивость собеседников». Местное же население рассматривало полевых собирателей «в качестве колдунов, шпионов и пр. представителей сферы нечеловеческого или просто „чужого“». Полный текст см.: Сурво А.А. Полевая работа как исследовательский миф. URL — Режим доступа: <http://www.komi.com/pole/publ/history/3.asp>

иными проблемами; антипатия к чужим мыслям; стереотипизированность сознания; амбициозность; языковой барьер. Это не только незнание местного языка, но и существенное различие в лексиконе информанта и исследователя; т.н. профессиональное неприятие — некомпетентное вторжение исследователя в область знаний информанта, и наконец, взаимное неприятие образа исследователя / респондента. Также можно выделить барьеры, обусловленные факторами среды (погодные условия, акустические помехи и т.д.); технические барьеры (шумы); «человеческие» барьеры психофизиологического и социокультурного характера¹¹.

Разумеется из всех способов общения главный — вербальный. Владея родным языком, мы владеем социокультурным кодом, который отличает нас от других, предоставляет нам «образ мира, преломленный в сознании человека; то есть мировоззрение человека, создавшееся в результате физического опыта и духовной деятельности»¹². Согласно Э. Сепиру: «Язык не существует вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни»¹³. Язык, мышление и культура тесно связаны между собой, они практически составляют единое целое и не могут функционировать друг без друга. Именно это взаимодействие рождает следующие понятия: реальный мир, культурная (понятийная) картина мира, языковая картина мира. В качестве конкретного примера отмечу свой опыт работы с нерусским — карельским населением, когда в коммуникации мне помогало знание терминологии и в целом местной культурной традиции. Выяснилось, что многие пожилые карелки-староверки плохо владеют русским, общение с ними может создать неверное представление о них. Однако стоит только предложить им почитать богослужебные книги, имеющиеся в их домашних библиотеках, чтобы услышать их хорошее чтение на церковно-славянском языке, и более того — соответствующий комментарий к ним.

К невербальным элементам коммуникации относятся: кинесика — жесты, улыбка, мимика, окулистика, поза, походка, манера одеваться; такесика — тактильное поведение (рукопожатия, поцелуи, объятия, похлопывания, поглаживания и т.д.); сенсорика — запах, вкус, цветовые и звуковые сочетания и т.д. Все элементы невербальной коммуникации тесно связаны друг с другом. Они могут либо взаимно дополнять друг друга, либо вступать в противоречия.

Следует учитывать и концепцию «культурной грамматики» Э. Холла, который выделил следующие категории, трактуемые в разных культурных традициях по-разному: время, пространство, контекст, информационные потоки¹⁴.

¹¹ Шепель В. Настольная книга бизнесмена и менеджера: управленческая гуманитарология. М., 1992. С. 118–119.

¹² Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. С. 47

¹³ Там же. С. 29

¹⁴ Hall E.T. *Beyond Culture*. Garden City, 1977.

В процессе межкультурной коммуникации партнеры обычно руководствуются своими мерками времени: линейной/монокронной и циклической, или полихронной. При монокронном восприятии культуры время — лента, разделенная на сегменты, где за один и тот же отрезок времени возможен только один вид деятельности и действия осуществляются последовательно. В полихронном восприятии культуры время воспринимается как точка, круг, поэтому оно менее ощутимо, здесь нет строгого распорядка дня, в течение определенного отрезка времени может делаться сразу несколько дел.

Для нормального существования каждый человек должен иметь определенный собственный объем пространства, т.е. некоторый внутренний мир, нарушение границ которого извне воспринимается как угроза, недружественный поступок. Поэтому при общении каждый человек подсознательно устанавливает границы своего личного пространства и дальнейшее общение происходит в этих рамках. Изучением использования пространственных отношений при коммуникации занимается проксемика, которая отражает пространственную организацию коммуникации, а также влияние различных культурных норм и стереотипов культурного пространства на характер межличностного общения. В разных культурах использование личного пространства, как известно, может варьироваться.

Так как коммуникация определяется степенью информированности участников, то необходимо учитывать такое понятие, как «контекст ситуации общения». Под контекстом коммуникации понимается то, какая часть информации содержится в физическом окружении, сопровождает событие и передается в эксплицитных или имплицитных кодах. Контекст также подразумевает следующие системы — ценностей (культура как содержание) и установок (коммуникация как форма), и вследствие этого для сравнения культур можно ввести схему низко- и высококонтекстной коммуникации.

Традиционные крестьянские сообщества относятся к культурам с высоким уровнем плотности неформальных сетей информации, члены этих сообществ всегда хорошо осведомлены о происходящем и чаще всего не нуждаются в дополнительных средствах информирования. Не являются исключением и старообрядческие группы населения, несмотря на видимую закрытость и недоступность; в них действует собственная неформальная информационная сеть. Поэтому для эффективной межкультурной коммуникации исследователю следует учитывать культурные различия/особенности распространения информации в том или ином изучаемом сельском сообществе.

Именно в процессе межкультурных контактов можно хорошо проследить атрибуцию, т.е. явление, при котором человек интерпретирует «необычное поведение», приписывая ему определенные причины. Часто ваш информант при такой атрибуции исходит из желания упростить и схематизировать или предсказать поведение других людей. Но случаются и ошибки атрибуции, в этом случае происходит

преувеличение личностных факторов и недооценка ситуативных, что зачастую приводит к недопониманию, барьерам коммуникации и конфликтам.

Этим объясняется тот факт, что полевой исследователь зачастую склонен при описании условий экспедиции расценивать себя самого как жертву, оказавшуюся в неких чрезвычайно сложных бытовых, климатических, социально-коммуникативных, психологических условиях. Многие, особенно это типично для западных полевых нарративов,

Информанты рассказывают: Андрей Борисович Чумин, его брат Игорь с женой Татьяной (слева направо). Тверская обл., Весьегонский р-н, д. Круглиха. Фото Н.Н.Русановой (2011 г.)

описывают свои экспедиционные трудности, в том числе вхождение в групповую среду, как некие обряды посвящения/инициации. П. Аткинсон называет это «сказками этнографа». Думаю, что не случайно среди российских этнографов и фольклористов существует шуточный обряд посвящения молодых специалистов, осуществляемый обычно во время первой для них экспедиции.

Мотивация первичного контакта всегда вызвана традиционными поведенческими моделями в ситуации «свой-чужой»¹⁵. Первый полевой контакт происходит как через конкретное действие, так и в иных, порой непредсказуемых обстоятельствах. Это могут быть: помощь в работе в поле, на огороде, на сенокосе, в сборе ягод; интерес к культуре местного населения, высокая оценка памятников его культуры; возраст

¹⁵ Панченко А.А. Инквизиторы как антропологи, антропологи как инквизиторы // ЖС. 2001. № 1. С. 7–9; Лезте А. Сету как собеседники // Финно-угры и соседи: Проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах: Сб. науч. тр. СПб., 2002. С. 72, 73.

людей, вступающих в контакт; совпадение/несовпадение этнической, религиозной принадлежности; знание/незнание языка. Контакт может не состояться из-за нежелания информанта вступать в разговор с чужими, плохого самочувствия и т.п. Но всегда, и это следует помнить, последнее слово остается за информантом.

На установление контакта влияют и такие важные условия коммуникации, как: происходит ли контакт в регионе коренного населения (моноэтничного и полиэтничного), моноконфессионального и поликонфессионального, в однородной или гомогенной культуре, в диаспоре (старая, современная); каковы язык общения (русский как общий, русский как посредник, родной язык), тип межличностных отношений, избираемый исследователем, но иногда и предлагаемый информантом. Определенное время уходит на первое знакомство и адаптацию к новым условиям, и лишь после этого этнолог приступает к исследованию, отдавая себе отчет, что может стать участником или наблюдателем повседневной, праздничной, обрядовой и ритуальной жизни сообщества, а также и неизвестных заранее ситуаций.

Исследователь и объект исследования

Американский социолог, автор монографии «Методы социальных исследований: количественный и качественный подходы» (1991) Л. Ньюман приводит следующее определение: «Полевой исследователь — „методологический прагматик“, имеющий ресурсы; талантливый индивид, изобретательный и способный мыслить самостоятельно, находясь в поле»¹⁶. Существует мнение, что так называемая полевая коммуникация зависит полностью от установки исследователя: либо носит отстраненный характер, либо представляет собой полное/частичное погружение в местную традицию. Это коррелирует и с отношением к объекту исследования, которое выстраивается согласно стратегии самоидентификации с ним или же стратегии дистанцирования¹⁷. Так, Л. Ньюман подчеркивает, что одним из принципов взаимоотношения исследователя и информанта в поле является попытка совмещения в лице первого ролей «переводчика, собирателя и сподвижника». Исходя из этой позиции этнолог, наблюдая за объектом исследования, порой стремится отождествить себя с изучаемой культурой. Но при этом неизбежно возникает дополнительная сложность, которую нельзя игнорировать: необходимость одновременно

¹⁶ Ньюман Л. Полевое исследование // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 112.

¹⁷ Щепанская Т.Б. Полевик: фигура и деятельность этнографа в экспедиционном фольклоре (опыты автоэтнографии) // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2003. №2. С. 174.

го включения в сообщество и «выдерживания дистанции». По словам Л. Ньюмана, преимущества позиции отстраненности исследователя состоят в том, чтобы «ставить под вопрос обычные вещи, замечать обычные детали или смотреть на обычные вещи глазами постороннего. Отстраненность помогает исследователю видеть привычное по-новому, а это обнаруживает те аспекты среды, которые не осознают осведомленные члены группы. Позиция отстраненности стимулирует исследователя к тому, чтобы пересмотреть свой собственный социальный мир. Погружение исследователя в другую среду нарушает привычный ход мысли и поступков»¹⁸.

Близкое понимание отношения «включенного наблюдателя» к изучаемой группе «как к антропологически чуждым» высказывают М. Хаммерсли и П. Аткинсон: «Важно научиться воспринимать окружающий мир отстраненно, чтобы избежать соблазна передать в дальнейшем мнения и ценности представителей лишь одной из сторон. Кроме того, исследователь должен уметь сопереживать участникам событий, с тем чтобы лучше понять смысл, который те придают тем или иным предметам-символам, поведению. Важно быть готовым к восприятию исследуемого объекта подобно чужаку, иностранцу, стремиться освободиться от предубеждений и стереотипов, которые весьма сильны, особенно тогда, когда исследование проходит там, где все знакомо. Вместе с тем не менее важно учитывать свое собственное „предзнание“, социальный опыт, без которого любой чужак-иностранец беспомощен и неспособен понять „очевидные“ вещи»¹⁹.

Известный финский фольклорист Лаури Хонко еще более категорично оценивал стремление к самоидентификации полевого исследователя с объектом исследования и называл его «сентиментальным», важным только для установления связей. Он писал, что, оставаясь «чужим», исследователь, пришелец со стороны, имеет отстраненный взгляд и способен объективно увидеть систему, понять модель культуры и традиции.

Как выглядит культура этнической общности в глазах исследователя? Вначале работы она видится ему как гипотеза: у него не много сведений о ней, но в процессе работы он все больше узнает ее и стремится лучше понять. Но как бы хорошо он ни освоил, например, способы выживания изучаемого народа где-нибудь на Севере или в пустыне, ему не требуется прибегать к ним. Он изначально знает, что вернется в свою

¹⁸ Цит. по: Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Биографический метод. Определение и истоки биографического метода в социологии. URL — Режим доступа: http://society.polbu.ru/devyatko_socresearch/cho8_i.html; См. также: Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999; Романов П.В. Социальная антропология организаций: история, эпистемология и основные методологические принципы. М., 1999; Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная антропология. М., 2004.

¹⁹ Hammersley M., Atkinson P. *Ethnography: Principles in Practice*. London; New-York, 1996. Цит. по Девятко И.Ф. Указ. соч.

привычную жизнь и культуру. Он сохраняет свое мышление, свой язык, что позволяет ему обратить внимание на характерные черты иной культурной реальности²⁰.

Безусловно, процесс интенсивного погружения исследователя в чужой социокультурный и этно-языковой континуум требует известных адаптационных способностей, кроме того, оказавшись в нем, мы не можем постоянно оставаться пассивными, отстраненными наблюдателями. Так называемое погружение исследователя тем не менее не может быть полным. Мы как субъекты исследования никогда не можем себя полностью отождествить с объектом исследования и наблюдения, даже являясь представителем этого народа, владея языком, принадлежа к той же конфессии. При налаживании отношений с местным населением и властями, безусловно, необходимы навыки общения и личное обаяние, но при этом очень важно не переигрывать, не переходить границы в попытке стать или казаться «своим», то, что Л. Ньюман определил как навывк *самопрезентации*. При этом я абсолютно солидарна с мнением известного отечественного этнографа Я.В. Чеснова, что нет необходимости «притворяться туземцем», так как «положение работающего этнографа всегда маргинально, и поэтому маргинален локус его пространства, даже если этнограф физически окажется на самом почетном месте (во время праздничного застолья. — О.Ф.)»²¹.

В последнее время отечественные этнологи и антропологи вслед за зарубежными начали по-новому оценивать деятельность исследователя, в том числе (а может быть, и прежде всего) вопросы этического характера: как исследователь собирает материал, насколько верно понимает и интерпретирует дискурс, с какой целью и для кого проводится исследование, как результат его скажется на объекте исследования? Однако справедливости ради стоит напомнить, что этика поля — правило «не навредить» — была изначально присуща отечественной этнографии как народоведению, «науке о человеке». Советская этнография отнюдь не чуждалась обсуждения этих вопросов.

Вот, например, оценка известного исследователя, автора монографии «Адыгская этика» (1999) Б.У. Бгажнокова. В одной из своих статей 1979 г. он пишет: «Да, этнограф имеет право на этическую позицию. Но принцип историзма и системности диктует нам единственную возможную последовательность: сначала конкретное исследование явления во всех связях и отношениях, затем столь же конкретная оценка, если в этом есть необходимость. Социальная, идеологическая позиция исследователя не обязательно требует от него сказать по поводу каждого явления, хорошо оно или плохо. Нередко оно и хорошо, и плохо или ни хорошо, ни плохо. Оно, прежде всего, объектив-

²⁰ Лехтинен И. Изучение Сибири в Казани (по материалам переписки А.О. Хейкеля и Н.Ф. Катанова // *Studia Slavica Finlandensia*. Helsinki, 2005. Т. XXII. С. 182.

²¹ См.: Чеснов Я.В. Этнологическое мышление и полевая работа // ЭО. 1999. № 6. С. 3–15. URL — Режим доступа: prometa.ru/colleague/14/1/1

но существует, и надо понять почему»²². Ссылаясь на точку зрения Р.Ф. Итса, автор учебного пособия «Полевая этнография» В.А. Козьмин подчеркивает, что подобная «установка применима и к полю, когда недопустимо ни активное противодействие, ни поверхностное восхищение, ни тем более безразличие к наблюдаемому и фиксируемому явлению»²³. Подобные крайности чаще всего закрывают доступ к исследуемому факту и в конечном итоге вредят получению объективной информации»²⁴.

В дискуссии 1985–1986 гг. о полевой этнографической работе Г.В. Старовойтова высказалась об этом следующим образом: [этнографическая этика. — О.Ф.] «определяется отношением к изучаемому явлению и требует умелого сочетания профессиональной и гражданской позиций при определенном приоритете первой. Такая установка налагает запрет на аксиологические суждения по поводу наблюдаемого явления с позиции здравого смысла»²⁵.

В западных социальных науках начиная с 1950-х гг. обсуждение «этики поля» приняло иной характер: дискутировался вопрос о создании единого профессионального кодекса, направленного на предотвращение негативных последствий исследований. Таковые были приняты в ряде стран — например, в США это «Кодекс этики Американской Ассоциации Антропологов»²⁶.

В ряде работ зарубежных ученых второй половины XX в. обсуждался вопрос о так называемой двойственной позиции исследователя, чья личностная идентичность в существенных чертах совпадает с идентичностью тех, кого он изучает²⁷. Из совмещения этих ролей и вытекает якобы основная этическая проблема такого исследователя: как совместить этику исследователя и этику «носителя культуры». Этой теме была посвящена, пожалуй, единственная работа в отечественной этнографии — молодой исследовательницы А.В. Бобрецово²⁸. Будучи по происхождению из Усть-Цилемской старообрядческой деревни, она избрала своей научной темой изучение традиционной материальной

²² Бгажноков Б.У. О значении этической позиции ученого в этнографическом исследовании // СЭ. 1979. № 1. С. 62.

²³ Итс Р.Ф. Века и поколения. Этнографические этюды. Л., 1986. С. 157.

²⁴ Козьмин В.А. Учебник полевой этнографии. Гл. I: Полевая этнография в системе методов этнографической науки // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1993. Вып. 2–3. С. 457–470; Он же. Полевая этнография. URL — Режим доступа: <http://tudocs.exdat.com/docs/index-74118.html>

²⁵ Старовойтова Г.В. [Обсуждение статьи М.Н. Шмелевой и С.И. Вайнштейна] // СЭ. 1985. № 4. С. 68. Эта дискуссия о полевой этнографической работе публиковалась на страницах журнала на протяжении 1985–1986 гг.

²⁶ Кодекс этики Американской Антропологической Ассоциации // Журнал социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 1. С. 173–180.

²⁷ Обзор этих исследований см.: Девятко И.Ф. Методы социологического исследования.

²⁸ Бобрецова А. Особый этический кодекс исследователя-носителя: «эмоциональный контакт» и «беспристрастное наблюдение». URL — Режим доступа: <http://www.komi.com/pole/publ/ethic/>

культуры старообрядцев и столкнулась с целым рядом сложностей этического характера. Это и проблема сохранения дистанции, и проблема совмещения ролей исследователя и «одного из общности». Однако частичное, как я подчеркивала ранее, совпадение идентичности исследователя и исследуемых по определению не может быть полным, а потому подобные рефлексивные переживания изживаются по мере приобретения опыта полевой коммуникации.

Информант

Многие исследователи проблем межкультурной коммуникации создают различные классификации типов национального характера «коммуникантов», основанные на особенностях их эмоционального и психологического склада, национально-специфических особенностях мышления. Зачастую основу этих исследований составляет анализ стереотипов, а целью — создать образ «типичного представителя» данной культуры для облегчения процесса межкультурного общения. Но в то же время все подобные работы страдают условностью и общностью подходов к созданию «типичных представителей». В результате мы получаем некую «базисную» личность, «построенную» не только из «типичных представлений», но и их предрассудков, что, в свою очередь, может только усложнить процесс межкультурной коммуникации.

Информант для исследователя — источник информации, обладающий опытом и знающий правила и нормы поведения местного населения. 26 |

Петр Петрович Л., (1896 г.р.) и О.М. Фишман. Тверская обл., Спировский р-н, д. Волхово. (1982 г.)

С позиции коммуникации следует помнить, что наши опросы и тем более длительные контакты могут способствовать новому переживанию собственной идентичности информантом и даже группой, переосмыслению «своего» и его отличию от «чужого». Таким образом, мы участвуем в процессе поддержания этничности (как, впрочем, и других форм идентичности), а иногда выступаем и как источник знаний и хранитель утрачиваемой коллективной памяти членов локального сообщества. В качестве примера приведу свое участие в похоронах на старообрядческом кладбище. Увидев несоблюдение одного из правил оформления надгробного холма (начертание восьмиконечного креста черенком лопаты), я тут же спросила об этом одного из уважаемых пожилых людей. Эта оплошность была тут же исправлена, а мне тем самым довелось выступить отчасти в роли не только наблюдателя, но и соучастника происходившего. Здесь очевиден и вопрос влияния полевого специалиста на полевую ситуацию и правомочности такого поведения.

Во время полевой работы мы обычно сами определяем круг своих информантов и сосредотачиваемся на опросе тех, кто нам интересен. Но бывает и наоборот: нас выбирают в качестве собеседника, а иногда и «жертвы» для разговора по душам о жизни или о политике. У меня бывали контакты, когда опрашивающий и респондент не просто менялись местами, а вступали в принципиально иные отношения. Так, в экспедициях 1993–1994 гг. мне довелось оказаться в ситуации смены статуса исследователя на статус пациента. Это позволило зафиксировать

все существующие вербальные (из уст в уста), визуальные, акциональные, предметные и коммуникативные формы эзотерической практики изнутри, и более того, испытать их воздействие на себе³⁰.

Для исследователя встречи со многими местными старожилками остаются в памяти надолго, а то и навсегда. Наши собеседники, обладая иными жизненным опытом и знаниями, делясь ими, приближают нас к более глубокому и осмысленному проникновению в народную культуру, в иное мировидение, помогают отчетливее представлять окружающий мир, в значительной мере расширяя его горизонты по сравнению с привычными для городского интеллигентного, образованного человека.

В определенной степени встречи «в поле» заставляют задуматься о сути своей исследовательской работы. На кого рассчитаны и на чем основаны наши «реконструкции прошлого»? Насколько слышен в них живой голос ныне живущих или недавно ушедших людей? Не перекрывает ли их голос наше научное объяснение, подсознательно, а иной раз и весьма сознательно стремящееся опереться на образ некоего «архаического прошлого»? Насколько субъективны вообще критерии интерпретаций настоящего через прошлое? Не предвзяты ли наши научные и личные позиции? В состоянии ли мы под воздействием происходящего на наших глазах и услышанного менять свои взгляды, быть лабильнее в анализе?

Методика

Мне импонирует позиция, высказанная еще в 1950-е гг. Г.С. Читая: «Полевая этнография должна иметь столько методов, сколько аспектов имеет она сама»³¹.

28

В набор современных методик наряду с традиционными включенным наблюдением и глубинным/глубоким интервью (in-depth) входят и спровоцированный монолог (experience narrative), «т.е. рассказ, движимый только логикой самого информанта, в минимальной степени подверженный вмешательству интервьюера»³², и эмпатический метод. Последний, позаимствованный в свое время из психологии и социологии, обеспечивает так называемое понимающее вхождение и вживание во внутренний смысл явлений культуры и ее ценностей и как нельзя лучше способствует изучению индивидуального характера культуры того или иного народа³³.

³⁰ Фишман О.М. Знающая — больная: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Гуманит. исследования: Сб. ст., посв. памяти Ю.Ю. Сурхаско. Петрозаводск, 2009. Вып. 2. С. 135-172. Ср. ниже аналогичную ситуацию, описанную в статье Е.В. Публичук и А.Л. Топоркова.

³¹ Читая Г.С. Принципы и методы полевой этнографической работы // СЭ. 1957. № 4. С. 29.

³² Граница и люди. Воспоминания переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка. СПб., 2005. С. 13.

³³ Барт Ф. Личный взгляд на современные задачи и приоритеты культурной и социальной антропологии // ЭО. 1995. № 3. С. 45-54.

С помощью совокупного использования названных методик (с учетом и некоторых частных) исследователь решает главную задачу — описание этнокультурной традиции с позиции ее носителя, а уже потом предпринимает анализ материала. При этом исследователь должен отдавать себе отчет в том, что рассказы о прошлой жизни — это некая субъективная версия описываемой информантом реальной действительности (об этом в моей статье «Образ малой родины...» в настоящем сборнике).

Применение и адекватное владение набором взаимодополняющих, в том числе культурологических, методик позволяет отобразить пространственно-предметный и конкретно-событийный мир изучаемого этносоциального сообщества, выявить уникальное и индивидуальное, осмыслить, подобно тому как это делают специалисты в области социальной и исторической антропологии, устной истории и др., этническую историю народа через историю личности. Более того, современные методики, родившиеся на стыке названных гуманитарных дисциплин, дают возможность не только оперировать приемами изучения и анализа культуры, но и переосмысливать многие традиционные для этнографии представления и понятия, в том числе и относительно характера ее основной субъектно-объектной зоны.

Исходя из упомянутой выше дихотомической связи между исследователем и информантом и их взаимовлияния, Теодором Шаниным была предложена модель исследовательского процесса, названная «методология двойной рефлексивности». В ее основе признание того, что равнозначны не только «„объективные“ данные, регистрируемые прямым наблюдением и интервью во время полевой работы», но и «воздействие исследователей на изучаемое поле (то есть взаимоотношения субъект-исследователь и объект-исследуемый)»³⁴.

Из сказанного ясно, что и методики включенного наблюдения, и проведения глубинного интервью претерпели существенное изменение. В частности, все чаще раздается призыв более дифференцированно отслеживать роль исследователя в поле (от так называемого полного участника до полного наблюдателя). Ведь полная включенность подразумевает «принятие исследователем всех нормативных ограничений, которым следуют настоящие участники». Отнюдь не каждый исследователь способен на такую степень погружения, да и не во всех ситуациях это остро необходимо. Вместе с тем принятая полевым исследователем стратегия коммуникации определяет характер и качество полученной информации.

Уже давно на смену прежних жестких вопросников, адресованных информанту, пришли «самонаправленные», т.е. ориентированные на самого исследователя (из наиболее известных назову тематические

³⁴ Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 101–116.

вопросники по изучению семейной обрядности русских, народного православия, сбора фольклорных и этнолингвистических материалов и многие др.)³⁵.

В своей полевой работе я исхожу из того, что залогом получения интересной информации прежде всего являются уважение и сочувствие к точке зрения опрашиваемого. «Через эмпатическое участие, вживание, — пишет Л. Ньюман, — мы можем адекватно схватить эмоциональный контекст, в котором имеет место действие»³⁶. Важно и умение не просто «разговорить» собеседника, правильно задавая вопросы, но и выслушать, не навязывая своего мнения, не демонстрируя свои знания. Во многом это зависит от опыта полевой работы.

Последнее подразумевает, что исследователь должен многое знать о той области народной культуры, о которой он собирает сведения, хотя известно и обратное. Именно неосведомленность исследователя, что чаще бывает с начинающими специалистами, позволяет задавать «нелепые» вопросы и узнавать неизвестные до этого факты и подробности, а информанту проявлять свои знания и сообщать откровенную характеристику событий. Однако и опытный наблюдатель может оказаться в положении новичка, столкнувшись с неизвестной ранее ситуацией, или же намеренно взять на себя его роль. Это дает право проявлять невежество, обнаруживать некомпетентность и задавать «простые» вопросы.

Так было и в ходе моего полевого общения со «знающими». Личный опыт показал, что интерпретации знахарского знания/искусства не полны, если опираются только на собранные нами и нашими предшественниками данные (даже если они получены от самих знахарок). Всем полевым исследователям известно, что рассказ о том или ином действии, в частности о методах лечения, описывается информантами с большим трудом. Его лучше показать, симитировать. Как и любую человеческую практику, эзотерическую необходимо увидеть и оценить в

³⁵ Перечислю ряд основных: Народная культура Полесья (анкета-вопросник для этнолингвистического атласа). Сост. А. В. Гура, О. А. Терновская, С. М. Толстая // Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М., 1983. С. 21–46; Листова Г.А. Программа сбора материала по обычаям и обрядам, связанным с рождением ребенка // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989, С. 292–306; Кремлева И.А. Программа сбора материала по похоронно-поминальным обычаям и обрядам // Там же. С. 307–325; Власова И.В. Программа для собирания сведений по вопросам: «Крестьянская община и семья. Структура и состав общинных и семейных коллективов. Поземельные и имущественные отношения» (на примере областей Европейского Севера) // Там же. С. 326–331; Громыко М.М., Кузнецов С.В., Буганов А.В. Программа сбора полевого этнографического материала по теме «Православие и русская народная культура» // ЭО. 1993. № 6. С. 69–84; Полевые вопросники и исследовательские программы для собирания фольклора / Под ред. Т.Б. Диановой. М., 1999; Актуальные проблемы полевой фольклористики: Сб. М., 2002; Актуальные проблемы полевой фольклористики: Сб. М., 2003. Вып. 2; Актуальные проблемы полевой фольклористики: Сб. М., 2004. Вып. 3.

³⁶ Ньюман Л. Значение методологии: три основных подхода // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 128.